

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

М. Е. ФОСС

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Изучение археологического материала позволяет осветить вопрос о взаимоотношениях древних племен, заселявших север Восточной Европы. В основном в конце III и во II тысячелетии до н. э. население восточноевропейской равнины подразделялось на охотничье-рыболовецкие племена, связанные с лесной областью, и скотоводческо-земледельческие, жившие в степной полосе.

Археологические «культуры», сложившиеся у южных племен, давно определены, выяснены границы их распространения и время бытования. В северной же, лесной области, по общепринятой концепции Айлио¹, была распространена единая «культура гребенчатой керамики», охватывавшая огромное пространство — от Прибалтики до Енисея. Здесь не место подвергать критическому разбору созданное Айлио построение, отмечу лишь, что оно отличается абстрактностью, что суммарное представление об орнаментике керамики привело его к заключению о единстве «культуры». Детальное изучение «гребенчатой» керамики позволяет выделить локальные варианты, представляющие видоизмененные или совершенно отличные комплексы. Так как керамика в эпоху неолита является местным производством, то изучение ее орнаментаки открывает большие перспективы. Как в этнографии орнамент в вышивках, тканях, резьбе по дереву и пр. имеет большое значение при распознавании, какому роду или племени принадлежит та или другая вещь, так и в археологии орнаментированная керамика служит одним из признаков выявления существовавших в неолите различных древних племен. Локальные варианты керамики сопровождаются обычно определенного типа орудиями, свойственными только данной области, отличающимися или по форме, или по технике изготовления. Образование подобных комплексов, получивших в археологии название «культуры», происходило в связи с обособленным существованием групп населения. В северной половине восточноевропейской равнины во II тысячелетии до н. э., как показывает изучение археологического материала, сложились различные культуры, из которых получили определение: карельская², восточнобеломорская³, каргополь-

¹ J. Ailio, Fragen der russischen Steinzeit, SMIA, XIX, 1919.

² А. Я. Брюсов, История древней Карелии, Труды Гос. Историч. музея, вып. IX, 1940.

³ М. Е. Фосс, Беломорская культура, «Рефераты научно-иссл. работ за 1944 г.», Отд. истории и философии АН СССР.

ская⁴, шигирская⁵, печорская⁶, волго-окские⁷ (балахнинская⁸, воловская, рязанская, белевская) и др.⁹. Все эти культуры являются выражением дробности населения, противоположно тому представлению, которое возникло на почве кажущейся однородности «ямочно-гребенчатой» керамики, отождествляемой с лесным неолитом. Процесс обособления древних племен, которому в значительной мере способствовал и экстенсивный способ ведения хозяйства, требовавший для прокормления небольшой группы большого пространства суши и воды, и характер северной природы с ее лесами и болотами, происходил во время их расселения и освоения новой территории. Процесс этот прослеживается не только по различию локальных комплексов предметов, узоров и т. п., но и по группированию в определенных районах древних поселений, гнездившихся в бассейнах рек и озер или на морском побережье.

Выяснение вопроса о неолитических культурах, о различных племенах, создавших эти культуры, влечет за собой постановку другого, не менее интересного вопроса — о взаимоотношении этих племен, о связях, возникших между различными областями. Этот вопрос не является новым в археологии, так как уже давно на основании аналогичных предметов, наблюдаемых в разных культурах, предполагалось проникновение предметов из одной области в другую или заимствование их формы и т. п., но наряду с этим появление предметов, обнаруживающих сходство, рассматривалось и как стадияльное явление. Несомненно, в первобытном обществе, при одинаковых условиях жизни, одинаковых занятиях, примитивной технике и ограниченных возможностях выбора сырьевого материала, появились близкие по форме предметы, сходные и по своему назначению. Большая часть таких предметов имеет «атипичные» формы, т. е. распространенные на большом протяжении, имеющиеся в самых различных культурах. К такого рода предметам относятся, например, кремневые наконечники стрел листовидной формы, кремневые скребки из отщепов треугольной формы и пр.

Можно привести примеры, показывающие и стадияльные признаки, и культурные. Так, в различных странах в позднем неолите возникает особая техника обработки кремневых наконечников стрел, заключающаяся в выделке по краю мелких зубцов. Это — признак стадияльный, но при сравнении приемов обработки (по величине и форме зубцов) выясняется их различие, представляющее локальную особенность (для примера можно привести Данию и Север Европейской части СССР). То же можно отметить в области первобытного искусства. В культурах лесного неолита нередко встречается изображение водоплавающей птицы. Оно имеется в виде скульптуры из дерева, кости и кремня, в виде гравировки на скалах и оттисках на глиняных сосудах. Все эти изображения, повидимому, связанные с космогоническими представлениями, могут рассматриваться как стадияльное явление. Они возникают у охотничье-рыболовческих племен на определенной стадии развития перво-

⁴ М. Е. Фосс, Неолитические культуры севера Европейской части СССР, «Советская археология», т. IX; ее же, Каргопольская культура (рукопись, диссертация).

⁵ П. А. Дмитриев, Шигирская культура (рукопись).

⁶ Определяется по материалам Г. А. Чернова, наход. в Гос. Историч. музее и в Музее антропологии Моск. ун-та.

⁷ А. Я. Брюсов, Окский неолит, «Рефераты научно-иссл. работ за 1944 г.», Отд. истории и философии АН СССР; его же, Белевская неолитическая культура, Краткие сообщения ИИМК, вып. XVI.

⁸ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский, Стоянки Балахнинской низины, «Изв. ГАИМК», вып. 106, 1934.

⁹ Карты с археол. культурами, БСЭ, т. «СССР», стр. 291—294.

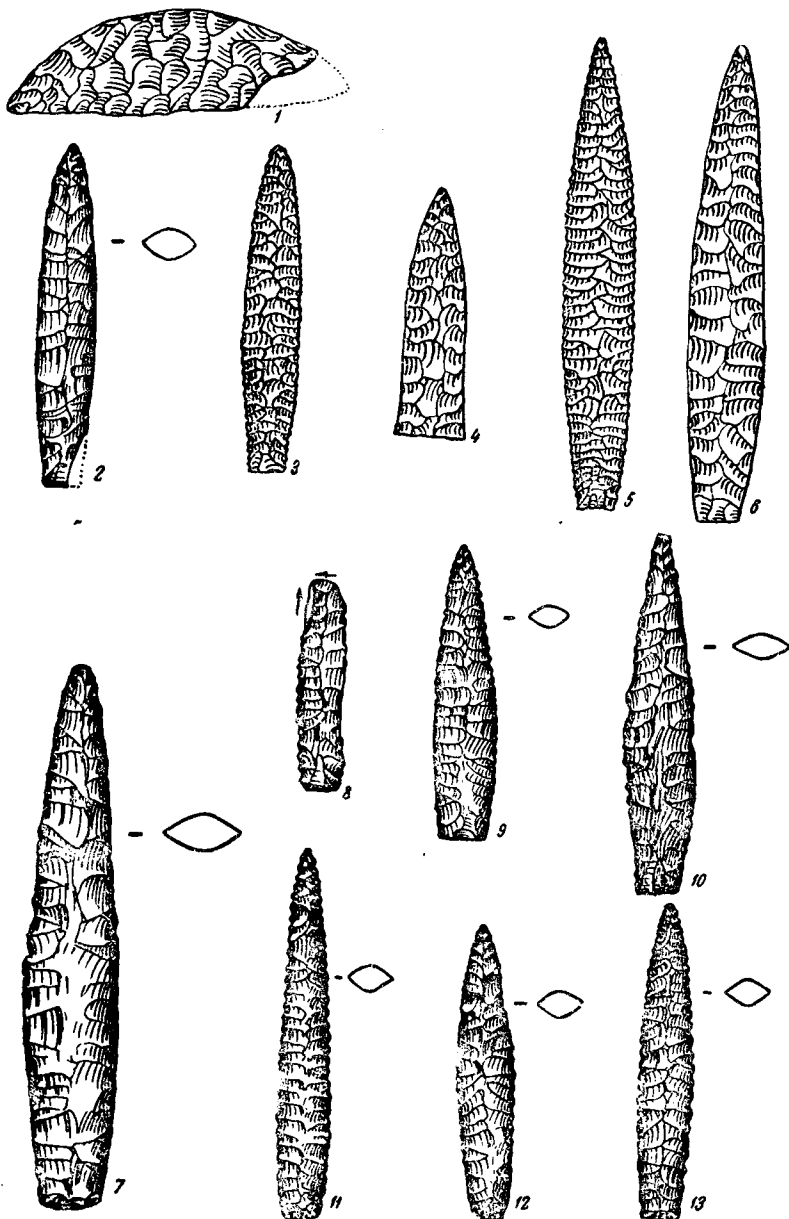

Рис. 2. Таблица II. Предметы, указывающие на связи восточно-беломорских племен во II тысячелетии до н. э.:

1 — «пила», Летний берег Белого моря (Ненокса); 2—13 — наконечники стрел: 2 — устье р. Кинемы, 3 — с Усть-Цыльма; 4, 9, 10, 12 — Зимний берег Белого моря; 5 — р. Молдона; 6 — Финляндия (Рованиemi); 7, 13 — Летний берег Белого моря (Красная Гора); 9 — там же (Яш-Наволоки); 8 — резец из обломка наконечника, Зимний берег

бассейне р. Печоры¹², в Кольском заливе¹³ (табл. II, 11), в Финляндии¹⁴ (табл. II, 6). Повидимому, совершенство формы этого вида наконечников послужило причиной не только продолжительного их бытования на месте, но и далекого их распространения. «Пильчатость»

¹² Г. А. Чернов, Стоянки древнего человека на р. Колве, Колве-Вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре, Краткие сообщения ИИМК, IX, 1941.

¹³ А. В. Шмидт, Древний могильник на Кольском заливе, «Кольский сборник АН СССР», 1930 (Материалы Комиссии экспедиц. исследований).

¹⁴ J. Ailio, Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland, Helsingfors, 1909.

краев способствовала нанесению более кровоточивых ран. Этим, хотя и в меньшей степени, отличаются вообще все кремневые наконечники стрел, что, повидимому, в значительной мере объясняет применение их в Сибири в то время, когда были уже известны железные наконечники. Судя по аналогичным австралийским наконечникам с зубчатыми краями¹⁵, наконечники беломорского типа могли употребляться не только на охоте, но и на войне, а о столкновениях северных племен известно по наскальным изображениям Залавруги, где одна человеческая фигура с луком изображена обороняющейся от врагов¹⁶.

Отмечая проникновение вещей из одной области в другую, мы не всегда еще можем выяснить пути сообщения, так как промежуточные области сплошь и рядом остаются необследованными, но все же приблизительно их можно наметить. На основании нахождения наконечников восточнбеломорского типа в области каргопольской культуры (Кубенино¹⁷, устье р. Кинемы¹⁸, р. Модлона¹⁹) (табл. II, 2, 5) намечается путь по реке Онеге, соединяющей Белое море с озером Лача, далее по р. Свида, озеру Вожа и р. Модлоне — со свайным поселением. Какими путями проникли этого типа наконечники в Кольский залив? Как ни мало обследованы западная часть Белого моря и Кольский полуостров, все же, по имеющимся данным, можно отметить отсутствие их на западном и северном побережьях.

Здесь бытуют другого вида кремневые наконечники, и наряду с ними изготавливаются наконечники из шифера, сланца и кварца, совершенно отсутствующие в области восточнбеломорской культуры. Поэтому как будто исключается этапный сухопутный путь и намечается водный — через горло Белого моря (от Зимнего берега), а затем вдоль побережья Ледовитого океана — в Кольский залив (Олений остров); в связи с этим можно ожидать обнаружения в восточной части Кольского полуострова предметов восточнбеломорской культуры. Ширина горла Белого моря доходит до 50—60 км. Судя же по наскальным беломорским изображениям (Залавруга)²⁰, в это время были лодки, вмещающие до 24 человек, приспособленные, повидимому, для дальнего плавания. Прямым доказательством преодоления в эпоху неолита морского пространства служат открытые на Соловецких островах лабиринты. Чтобы попасть на эти острова, необходимо было проплыть морем от Кемского или Онежского берега около 40 км. Особенно интересным является нахождение наконечников беломорского типа в бассейне среднего течения р. Печоры. Сложившаяся здесь культура несет явные следы влияния Сибири. В орнаментике керамики имеется сходство (не только в элементах узора, расположении их, но и в способе их воспроизведения) с находками в бассейне Сосвы и Конды²¹ и в области полуйской культуры (в низовьях р. Оби)²². И в этот далекий район Большеземельской тундры (р. Колва с притоками Колва-Вис, Сандибей-ю) доходит влияние восточнбеломорской культуры. Здесь не только найдены типичные для нее наконечники стрел, но наблюдается даже такая деталь, как использование обломанных «пильчатых»

¹⁵ Ф. Волков, С. Руденко, Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений, «Материалы по этнографии России», т. I, СПб., 1910.

¹⁶ А. М. Линевский, Петроглифы Карелии, Петрозаводск, 1939, стр. 186—187.

¹⁷ М. Е. Фосс, Стоянка Кубенино, «Советская археология», т. V, 1940.

¹⁸ М. Е. Фосс, Стоянка у устья р. Кинемы, Краткие сообщения ИИМК, XIV.

¹⁹ А. Я. Брюсов, Раскопки в Чарозерском районе Вологодской области в 1946 г., Краткие сообщения ИИМК, вып. XX, 1948.

²⁰ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Белого моря, ч. II, 1938.

²¹ С. Т. Боч, Стоянки в бассейнах сев. Сосвы и Конды, Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, вып. I, 1937.

²² В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских югров, Краткие сообщения ИИМК, вып. IX, 1941.

наконечников для изготовления резцов с помощью бокового скола (табл. II, 8), отмечаемая в восточнобеломорской технике. В остальном техника обработки кремня — самостоятельная и в отличие от восточнобеломорской «микролитовидная». Нет основания предполагать существование в эту отдаленную эпоху сухопутного пути через огромное

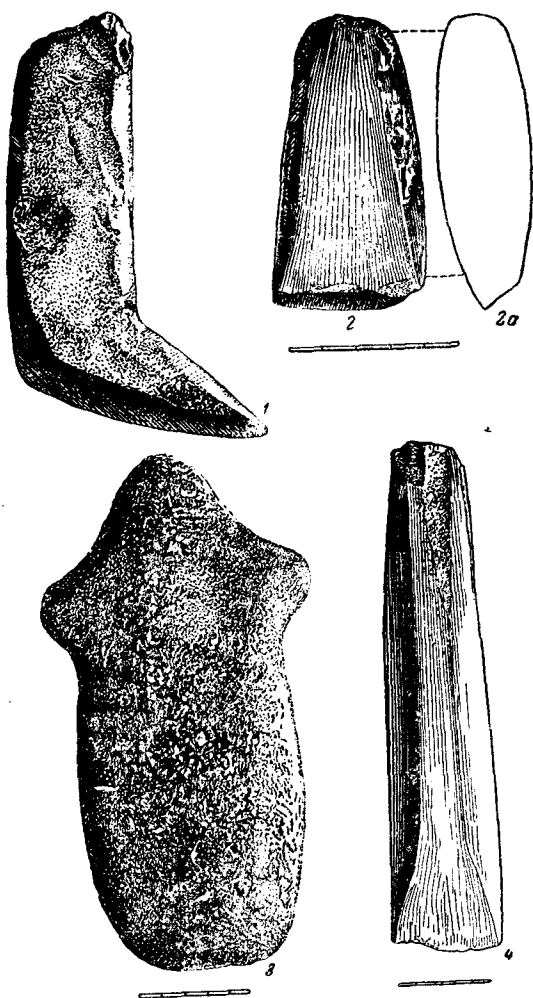

Рис. 3. Таблица III — предметы, указывающие на связи племен севера Европейской части СССР со Скандинавией (1—2) и Сибирью (3—4) во II тысячелетии до н. э.:

1 — нож «арктического типа», Карело-Финская ССР; 2, 2a — тесло вестландского типа, Онежский берег Белого моря; 3 — мотыга с цапфами, Сибирь; 4 — русско-карельский «топор», Сибирь

показывают, что наряду с влиянием, которое оказывала Сибирь на культуру, сложившуюся в бассейне Печоры, повидимому, возникли далекие связи между сибирскими и северо-западными племенами Европейской части Союза. Предположения наши подтверждаются и антропологическими наблюдениями: при изучении человеческих черепов древ-

пространство тундры, тем более, что восточнобеломорская культура принадлежит к береговым культурам, и в северном направлении она распространяется до Мезенской Губы. Повидимому, путь из этой области шел вдоль побережья Ледовитого океана до устья р. Печоры, а затем вверх по течению этой реки до ее притоков.

В связи с возникновением культуры в бассейне средней Печоры, испытывавшей влияние Сибири, получают новое освещение отдельные находки каменных орудий, представляющие собой полную аналогию найденным в Карельской АССР и Сибири. К ним относятся: так называемая «мотыга с цапфами», найденная в Карельской АССР (из коллекции Бутенева)²³ в одном экземпляре, в Сибири же эта форма является типичной для лесной части²⁴ (табл. III, 3). Типичное и распространенное в Карельской АССР орудие «русско-карельский топор» является также распространенной формой в Сибири (табл. III, 4, найден в б. Тобольской губ.). Форма орудия, называемая «Krummeissel», проникшая из Финляндии в Карелию и область каргопольской культуры (табл. IV, 9), найдена лишь в одном экземпляре в Сибири (близ г. Томска)²⁵. Эти находки

²³ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, табл. 18.

²⁴ В собр. Гос. Историч. музея, в б. Енисейской губ. и Вост. Сибири.

²⁵ В собр. Гос. Историч. музея, находка.

него северного населения в Европейской части обнаруживаются монголоидные черты, указывающие на связи с Азией²⁶.

Более тесные связи во II тысячелетии до н. э. существовали между смежными областями, например, каргопольской культурой и карельской²⁷, причем последняя исполняла в силу своего географического положения как бы роль посредника в сношениях каргопольских племен с древними племенами Финляндии.

Из области карельской культуры в каргопольскую проникают такие типичные формы орудий, как «кирки олонцкого типа», «руско-карельский топор», южнокарельские тесла, пилы и пр. Из Финляндии доходит характерная форма долот «Krummeissel» (табл. IV, 9) обнаруженная на стоянке у устья р. Кинемы на озере Лача; сложный тип рыболовного крючка, от которого обычно сохраняется лишь каменный грузик, в виде цилиндрической палочки, примером чему могут послужить находки на р. Онеге — в Кубенине (табл. IV, 6—7), в точности совпадающие по форме с найденной в Финляндии на стоянке Kotipelto²⁸ (табл. V, 6—7). Особенно поразительно сходство глиняных фигурок, одна из которых найдена в Nonkaniemi в Финляндии (табл. V, 2а, б²⁹, другая — в Кубенине (табл. IV, 2). Несмотря на пластические свойства глины, способствующие случайному варьированию формы, здесь мы имеем почти одинаковое воспроизведение характерного бобовидного торса, слегка вытянутой верхней части головы и почти одинаковые размеры. Сходство настолько велико, что наводит на мысль, не вышли ли фигурки из рук одного и того же мастера, т. е. в данном случае произошло не заимствование формы, а проникновение самого предмета из одной области в другую. Можно указать еще ряд примеров: в Кубенинской же стоянке найдены фрагменты глиняных фигурок: человеческая голова (табл. IV, 5), обнаруживающая близкое сходство с происходящей из Финляндии Jettböle (табл. IV, 4) и голова, повидимому, животного (табл. IV, 1 и табл. V, 1) — оттуда же³⁰. Следует отметить и сходство глиняных фигурок, одна из которых найдена в Куштозере (к югу от Онежского озера), другая в виде фрагмента — на стоянке каргопольской культуры, у устья р. Кинемы. И та (табл. V, 3), и другая (табл. IV, 3) представляют, повидимому, условное изображение птицы — острый нос в виде клюва, длинная шея и голова, украшенная гребнем, исполненным защипом. Целая фигурка имеет бобовидный торс.

Несомненно, что признаки сходства, наблюдающиеся в глиняных фигурках, появились в результате тех сношений, которые установились между племенами этих областей. В это же время — в позднюю стадию развития гребенчатой керамики, с которой связываются глиняные фигурки, финские археологи отмечают проникновение в Финляндию русского кремня³¹. Действительно, в Финляндии местного кремня почти нет, а соседняя область — Карелия — тоже бедна кремнем, поэтому область каргопольской культуры, отличающаяся многочисленностью и разнообразием кремневых орудий и богатством кремня, могла послужить источником кремневого сырья для Финляндии. В этом отношении интересна стоянка Nonkaniemi, где вместе с глиняной фигуркой, представляющей полную аналогию кубенинской, найдены орудия из русско-

²⁶ Реконструкция М. М. Герасимовым типа северного населения по черепу Караваевского могильника (из раскопок А. Я. Брюсова в области каргопольской культуры, собр. Гос. Историч. музея); Е. М. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника южного Оленьего острова, Краткие сообщения ИИМК, VI, 1940.

²⁷ По определению А. Я. Брюсова, — см. «Историю древней Карелии».

²⁸ «Aikakauskirja», XXVIII, 1920, табл. XI, 5.

²⁹ «Suomen Museo», XXXVI, 1929, стр. 20.

³⁰ «Aikakauskirja», XXVI, 1912, стр. 310 и табл. VII, 11.

³¹ Aarne Engrens, Askolan Nonkaniemi, «Suomen Museo», XXXVI, 1929 Referat.

го кремня в сопровождении развитой гребенчатой керамики и еще более поздней типа Uskela, датируемой приблизительно началом II тысячелетия до н. э. и позднее. В связи с этим особенно заслуживает внимания совпадение по форме кремневых орудий, одно из которых найдено у устья р. Кинемы, на стоянке каргопольской культуры (табл. IV, 8),

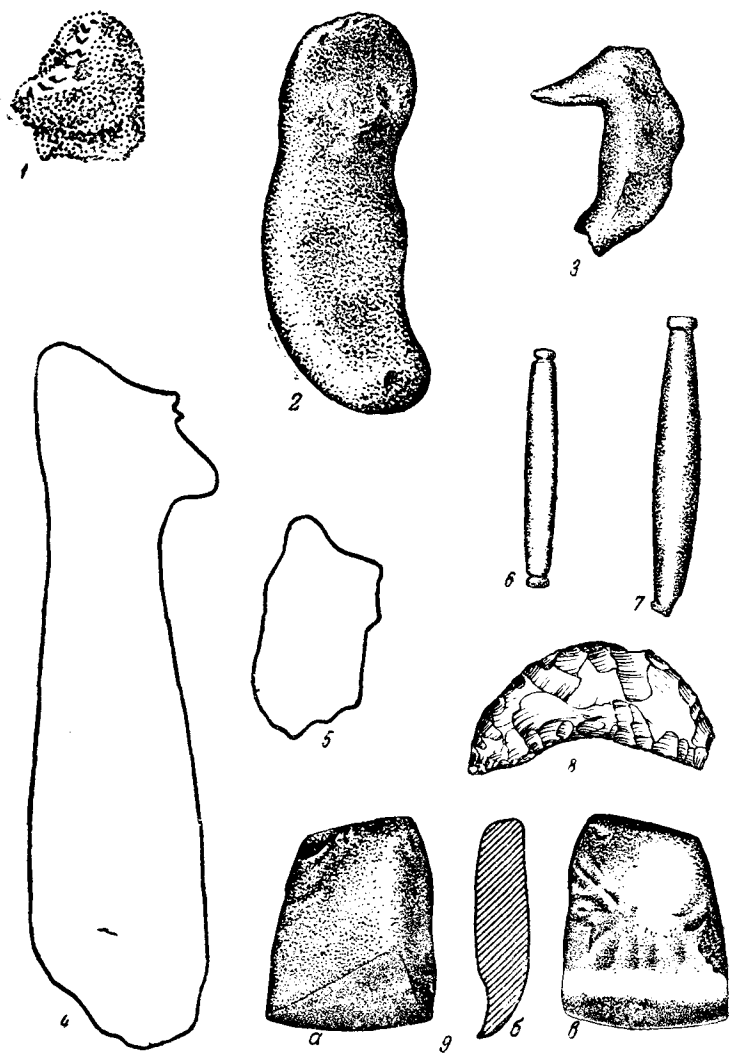

Рис. 4. Таблица IV. Предметы, указывающие на связи каргопольских и карельских племен с Финляндией во II тысячелетии до н. э.:

1—5 глиняные фигурки (1, 2, 5 — Кубенино; 3 — устье р. Кинемы; 4 — Je tbbis; 6, 7 — части сложных рыболовных крючков, Кубенино; 8 — серповидный нож, устье р. Кинемы; 9 — „Klippmessel“, устье р. Кинемы

другое — в Финляндии на стоянке Rantapelto (табл. V, 8)³². Орудия представляют собой ножи характерной серповидной формы, что исключает случайность сходства. Имеются и другие, близкие по типу каргопольским орудия на упомянутой выше стоянке Honkaniemi и других пунктах.

³² «Aikakauskirja», XXVIII, 1920, табл. VI, 5.

Следует отметить также в орнаменте керамики, найденной в Финляндии, Lavatäki, условное изображение водоплавающей птицы (табл. V, 4) — мотив, хорошо известный на Севере, в Европейской

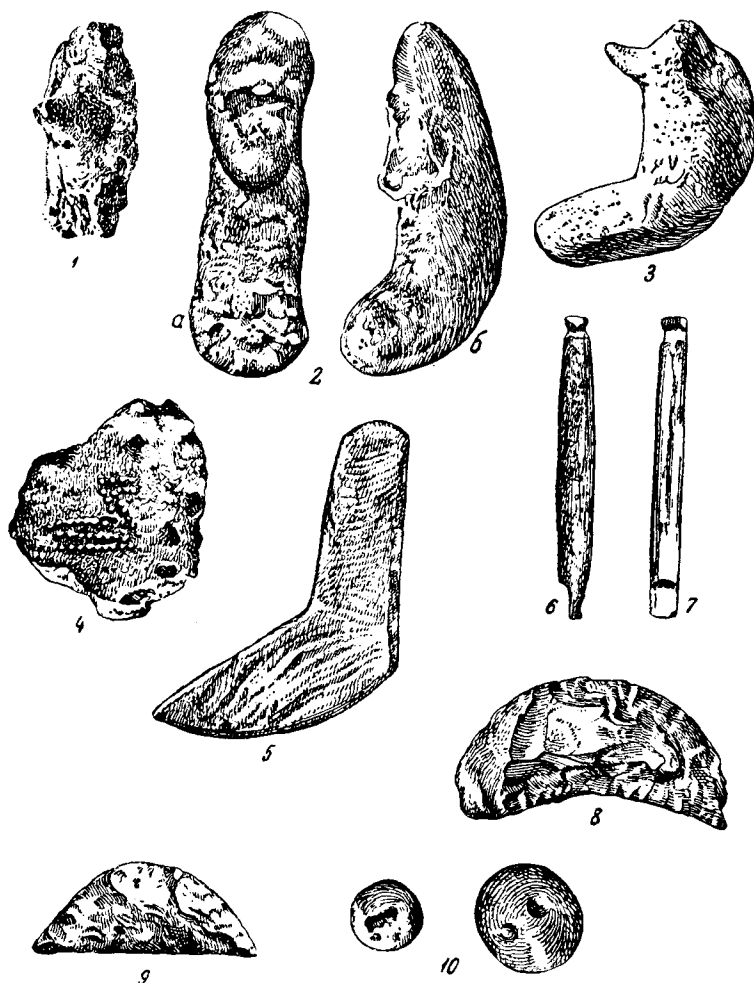

Рис. 5. Таблица V. Предметы, указывающие на связи Скандинавии, Финляндии и Прибалтики с племенами севера Европейской части СССР во II тысячелетии до н. э.:

1—3—глиняные фигурки (1, 2a, б — Финляндия; 3 — Карело-Финская ССР); 4 — изображение водоплавающей птицы, Финляндия; 5 — нож „арктического типа“, Скандинавия; 6, 7 — части сложных рыболовных крючков, Финляндия; 8 — серповидный нож, Финляндия; 9 — „пила“, Швеция; 10 — янтарные п.,говицы с V-образным отверстием, Прибалтика

части Союза ³³, а также в Западной Сибири, в низовьях р. Оби ³⁴, между тем как в западноевропейской керамике он не известен. Этот мотив мог проникнуть в Финляндию из карельской и каргопольской культур.

³³ В Карельской АССР — Вой-Наволок 9, в Архангельской обл. — Кубенино и Кузнечиха; в районах, связанных с северными культурами: близ г. Галича — стоянка «Умиление», на Урале — Горбуновский торфяник, береговая стоянка, Шигирское городище. Близкое к подобным изображение см. В. Передольский, Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья, СПб., 1893.

³⁴ Доклад В. Н. Чернецова на заседании сектора первобытной археологии ИИМК АН СССР 18/IV 1947 г. о результатах раскопок 1947 г. в бассейне р. Полуй.

В «Истории древней Карелии» приводятся исчерпывающие данные, характеризующие тесные связи карельских племен с Финляндией в конце III и во II тысячелетии до н. э. Среди предметов, проникших к ним, имеющие остролезвийные топоры (Бесовы Следки — верхний слой, Илекса), крестовидные топоры (Пельдожа и Вытегра), фигурные молоты (Тулгуба, Падозеро и близ Петрозаводска), «Kittmeissel» (Суна), топоры типа Рованиеми (Суна I, Чула, Машозеро). К этому можно добавить найденное позднее Н. Н. Гуриной ромбическое орудие со сверлиной (Вой-Наволок 9)³⁵. Имеется находка и сложного типа рыболовного крючка (Куштозеро).

Можно было бы привести еще ряд аналогичных примеров, но достаточно и приведенного материала, доказывающего, что между древними племенами Финляндии, Карельской АССР и областью каргопольской культуры существовали длительные сношения, в результате которых проникали предметы и происходило заимствование технических навыков, форм орудий, получение необходимого материала для орудий при недостатке местного и т. п.

Менее устойчивые связи намечаются у племен нашего Севера с Западной Европой. Здесь прежде всего следует указать на связи со Скандинавией. В области восточнобеломорской культуры (с. Ненокса и с. Зимняя Золотица) находятся типичные шведские кремневые орудия сегментовидной формы, так называемые «пилы»³⁶ (табл. II, 1). Имеются наконечники стрел, отличающиеся от местных форм (табл. II, 4) (Зимняя Золотица), ближайшие аналогии которым можно указать в Швеции (Лапландии и Нордландии)³⁷. Отличительной чертой их является удлиненность пропорций и характерная припухлость на боковых сторонах. Интересно также тесло из зеленого камня (с. Пушлахта на Онежском берегу) с характерной крутой заточкой лезвия (табл. III, 2—2а), сходное с теслами вестландского типа, известными по находке в Швеции и Норвегии³⁸, где они изготовлялись из гринштейна.

В отношении Карельской АССР отчетливо намечаются связи со Скандинавией, в свое время отмеченные и А. Я. Брюсовым³⁹, по находкам на карельской территории типичных предметов «арктического неолита» — шиферных наконечников стрел, узкой формы без шипов и широкой с шипами (стоянка Бесовы Следки), шиферных ножей — прямых (Тамица) и углового типа (с. Косальма) (табл. III, 1). Путь в Скандинавию, повидимому, шел через северную Финляндию, на что указывают некоторые находки, например, в известном пункте Рованиеми (откуда происходят топоры «типа Рованиеми») найден кремневый наконечник стрелы беломорского типа, аналогичный происходящему из Красной Горы (табл. II, 6).

Исключительно интересными находками являются янтарные украшения, обнаруженные в свайном поселении на р. Модлоне⁴⁰. Это — пронызи, привески и луговицы с V-образным отверстием, представляющие собой характерные формы западноевропейских янтарных украшений конца III, начала II тысячелетия до н. э. (табл. V, 10). Подобные находки указывают, что область каргопольской культуры была связана с Балтикой — центром добычи янтаря, откуда янтарные изделия распространялись на далекое расстояние и не только по Западной Европе, чему посвящено большое количество работ в западноевропейской лите-

³⁵ Н. Н. Гурина, Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера, Краткие сообщения ИИМК, VII, 1940.

³⁶ По западноевропейской терминологии, не определяющей назначения орудия.

³⁷ «Acta Archeologica», VII, стр. 314, M. E b e r t, Reallexikon, т. IX, табл. 34f и сл.

³⁸ M. E b e r t, Указ. раб., табл. 25 и 45.

³⁹ А. Я. Брюсов, История древней Карелии.

⁴⁰ А. Я. Брюсов, Отчет о раскопках 1938—1939 гг. Труды Гос. Историч. музея, XII, 1941.

ратуре, но и на восток⁴¹. Находки янтарных украшений в Кончанском⁴², Коломцах⁴³, Негежме⁴⁴, у с. Городище⁴⁵, на оз. Пирос⁴⁶, предшествовавшие раскопкам на р. Модлоне, показывают проникновение янтаря все далее и далее на восток, свидетельствуя, что у древних племен, заселявших север в эпоху неолита, возникали сношения не только со смежными областями, но и с Западной Европой, отделенной большим пространством промежуточных областей, что не мешало, однако, установлению культурных связей между древними племенами.

Помимо связей, прослеживаемых между северными племенами в эпоху неолита, можно предполагать, что Север не был оторван и от среднерусской полосы. В конце II тысячелетия наблюдается проникновение получившей повсеместное распространение в средней полосе так называемой «сетчатой» керамики. Огромное пространство, которое было охвачено этой керамикой, простирается на запад до Балтийского моря и на восток — до Волги. Подобная керамика не получила такого развития на Севере: в области восточнобеломорской культуры наблюдается в очень незначительном количестве своеобразная керамика с отпечатками, воспроизводящими в грубом виде «сетчатый» орнамент, нанесенный штампом⁴⁷. В области каргопольской культуры, в виде единичных экземпляров, можно указать сосуды с сетчатым орнаментом среднерусского типа в нескольких пунктах, например в Кубенине, у устья р. Кинемы, в Верхнем Веретье⁴⁸. Но все это настолько в ограниченных размерах, что не может быть и речи о самостоятельном развитии этого типа керамики в северных культурах. То же следует отметить на территории Карельской АССР, за исключением стоянки на реке Томице⁴⁹, где она найдена в большом количестве и по своему облику очень сходна с керамикой стоянки, обнаруженной на месте Младшего Волосовского могильника. Если спорадические находки сетчатой керамики могут послужить указанием на межплеменные сношения, то массовое проникновение керамики из одного района в другой ставит вопрос о продвижении населения из средней полосы к северу во второй половине II тысячелетия до н. э. О связях Севера со среднерусскими племенами свидетельствует и находка керамики, относящаяся к более раннему периоду, о которой уже упоминалось выше, обнаруженная в одной из стоянок галичской культуры⁵⁰ — с условным изображением водоплавающей птицы, на сосуде, украшенном гребенчатым орнаментом, что не свойственно культурам Окского бассейна. На этой же стоянке среди обычных для средней полосы наконечников стрел обнаружен (при раскопках 1947 г.) один наконечник восточнобеломорского типа. Вместе с этим хочется обратить внимание на сходство стиля в изображении змеи Галичского кладки и Оленеостровского могильника. Я имею в виду галичский бронзовый нож с прорезной рукоятью, украшенной изобра-

⁴¹ В статью не вошли многочисленные убедительные данные, приводимые в докладе А. Я. Брюсова, прочитанном в секторе первобытной археологии ИИМК АН СССР в 1948 г. после написания этой статьи.

⁴² Н. Рерих, Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой, Записки Отд. Русск. и Слав. Археол., т. V.

⁴³ В. Передольский. Указ. работа.

⁴⁴ Б. Ф. Земляков, Негежемская неолитическая стоянка, Труды Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, т. II, 1932.

⁴⁵ Г. П. Гроздилов, Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхове, «Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода», 1940, № 6—7.

⁴⁶ Н. Рерих, Каменный век на озере Пирос, Записки О. Р. и С. А., т. VII, вып. I.

⁴⁷ В собр. Гос. Историч. музея.

⁴⁸ М. Е. Фосс, Стоянка Веретье, Труды Гос. Историч. музея XII, 1941.

⁴⁹ А. Я. Брюсов, История древней Карелии.

⁵⁰ М. Е. Фосс, Результаты Галичской экспедиции 1947 г., печатается в Кратких сообщениях ИИМК, вып. XXVI.

жением змеи, извивы которой переданы плавно-волнистой линией, как и у оленеостровского изображения, вырезанного из рога. В том и другом выражается одинаковая манера, наблюдаемая в реалистическом изобразительном искусстве. Это особенно заметно при сравнении с изображением змей из Горбуновского торфяника и Сеймы, отличающихся схематичностью, где извивы переданы геометрически — углами.

Можно также отметить сходство редко встречающегося орнамента (представленного на рис. 6), обнаруженного в керамике в трех пунктах: в области каргопольской культуры — на р. Модлоне (свайное поселение)⁵¹, в области галичской культуры на стоянке «Умиление»⁵² и в Окском бассейне у с. Нармы⁵³. Сходство не ограничивается только одинаковым узором, но наблюдается и в расположении его лишь по верхней части сосуда и в самой технике нанесения и, наконец, в тонкостенности сосудов, происходящих из этих трех пунктов.

Суммируя перечисленные признаки, приходим к заключению, что между северными и среднерусскими племенами намечаются связи во второй половине II тысячелетия до н. э.

В заключение хотелось бы коснуться еще одного вопроса, возникающего в связи со сходством, наблюдаемым в орнаментике керамики восточно-беломорской культуры, конечной стадии ее развития⁵⁴, кера-

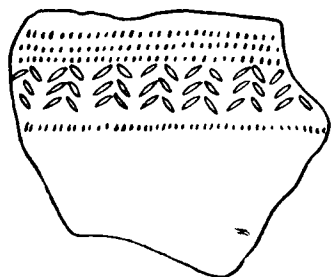

Рис. 6. Фрагмент керамики

мики ананьинской культуры (см. карту) и древнейших селищ верхнего Поволжья (например, «Быки» в Галичском районе Костромской обл.)⁵⁵. Ананьинская керамика, отличающаяся характерным валикообразным утолщением на шейке сосуда, которое сопровождается обычно веревочным орнаментом и круглыми ямками, расположенными под утолщением в ряд, сначала была обнаружена в области ананьинской культуры. Затем нахождение ее было отмечено в восточно-беломорской культуре, где, кроме этого, найден обломок бронзового кельта ананьинского типа. Находки эти привлекли внимание исследователей, поставивших вопрос о соотношении этих культур. Последующие работы, произведенные в Каргопольском районе и Галичском (Костромской обл.), открыли совершенно аналогичную керамику в целом ряде стоянок. Предположение о проникновении этого вида керамики в различных направлениях на большое расстояние от бассейна р. Камы, в связи с завозом ее или заимствованием стиля орнаментики, мало вероятно, так как в данном случае трудно представить, что стимулировало это. Наблюдения показывают, что глиняная посуда в эпоху неолита повсюду производилась на месте и орнаментика ее была местной. Керамика не являлась ценным материалом, какими были бронза, янтарь и пр., и не привлекала внимания совершенством формы, что служило, повидимому, причиной распространения каменных орудий. Проникновение единичных экземпляров сосудов или отдельных орнаментальных мотивов из одной области в другую представляет случайное явление, сопровождающее установившиеся сношения между племенами. Но если наблюдается нахождение определенного типа керамики в большом коли-

⁵¹ А. Я. Брюсов, Отчет о раскопках 1938—1939 гг., Труды Гос. Историч. музея, XII, 1941, стр. 14, рис. 10 (в нижнем ряду, третий слева).

⁵² М. Е. Фосс, Новые памятники в районе галичской культуры. Краткие сообщения ИИМК, вып. XVII.

⁵³ В собр. Гос. Историч. музея.

⁵⁴ А. В. Збруева, Стоянка на р. Чукче близ с. Красной Горы, «Сборн. к 10-летию Октября», ГАИМК, М., 1928.

⁵⁵ М. Е. Фосс, Указ. раб., Краткие сообщения ИИМК, вып. XVII.

честве и на большом протяжении, причем найденная керамика не просто родственна по стилю орнамента, а представляет собою полное тождество, что можно видеть в вышеперечисленных областях — ананьинской культуры, восточнобеломорской, каргопольской, а также в районе г. Галича, то это явление представляется в ином освещении. Подобное распространение, о чем была речь выше, псевдимоу, выражает передвижение или является последствием передвижения населения. Родственность этнических групп отражается в одинаковом стиле созданной ими орнаментики. Вот почему возникает вопрос не о сношениях племен указанных областей, а о продвижении их из области ананьинской культуры на запад и северо-запад. Высказанная гипотеза не может получить в настоящее время достаточного обоснования. Решение этого вопроса зависит и от антропологического материала, отсутствующего в восточнобеломорской области и в верхнем Поволжье. Область же каргопольской культуры дает положительное указание на родственность местного населения и ананьинского (Луговской могильник): те и другие черепа обнаруживают монголоидные черты⁵⁶. Таким образом, перед нами стоит интересная проблема, разрешение которой может быть осуществлено в недалеком будущем.

Заканчивая на этом подведение итогов многочисленных сопоставлений, произведенных на археологических материалах Севера, мы приходим к заключению, что, начиная с эпохи неолита, древние племена, населявшие северную половину Европейской части СССР и локализовавшиеся в определенных районах, не жили замкнуто в пределах занятой ими территории, что фактические данные указывают на возникновение между ними культурных связей. Эти связи были более тесными и продолжительными при территориальной близости, но и далекие расстояния не мешали сношениям, в результате которых не только проникали вещи, перевозился необходимый сырьевой материал при отсутствии местного и т. п., но передавался опыт, технические навыки и пр. Если в настоящей работе не определены еще пути сообщений, то указаны основные направления, по которым следует в дальнейших исследованиях искать этих путей.

---

⁵⁶ Т. А. Трофимова, Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. Краткие сообщения ИИМК, IX, 1941.